

ской классической литературе, отразившиеся в конце концов в сказаниях об Эзопе. Однако списков собственно греческой версии «Повести об Ахикаре» ни в классической, ни в византийской литературе не обнаружено.

Древнерусский текст «Повести об Акире Премудром» более всех приближается к сирийской версии. Мог ли быть сделан в Киевской Руси перевод с сирийского оригинала? Этот вопрос задавал в свое время А. Д. Григорьев и пытался ответить на него положительно.¹⁰² Н. Н. Дурново, вслед за Григорьевым разрабатывавший эту проблему, счел доводы своего предшественника недостаточно доказательными,¹⁰³ однако он не смог и опровергнуть данного предположения, оставив вопрос открытым.¹⁰⁴ В. М. Истрин высказался в пользу перевода повести с греческого.¹⁰⁵ П. К. Коковцов в своем отзыве на работу Н. Н. Дурново колебался между признанием греческого и сирийского подлинника с перевесом в пользу сирийского.¹⁰⁶

Несколько лет назад мы приводили соображения в пользу наибольшей вероятности признания оригиналом русской версии «Акира» именно сирийской повести.¹⁰⁷ В настоящее время мы можем полностью подтвердить высказанное тогда предположение. Действительно, не только вся транслитерация собственных имен в повести стоит ближе других именно к сирийскому оригиналу, но и некоторые отклонения от него тоже могли возникнуть, по-видимому, именно на сирийской почве, например, замена буквы «н» буквой «л» в титуле Синагрипа (Санжерипа), «цесаря Адорского и Наливского». В сирийском оригинале он назван царем «Атора (Ассура) и Нинве». Вместо второй буквы «н» в названии города Ниневии древнерусский переводчик мог прочесть букву «л» (лямед) потому, что в сирийском уставном письме «эстрангело» отличается от буквы «нун» только большей длиной наклонной влево черты.¹⁰⁸ Что же касается отдельных немногочисленных грецизмов, которые отмечались в языке древнерусского перевода повести, то они могли быть присущи самому русскому литературно-письменному языку киевской эпохи и потому проникнуть и в текст «Акира».¹⁰⁹ Впрочем, все эти факты требуют еще дополнительного исследования и уточнения.

Таким образом, мы имеем право значительно расширить тот круг языковых источников, из которых могла черпать свои богатства древняя славяно-русская переводная книжность. И это еще раз подтверждает нашу уверенность в широте культурного кругозора, свойственного передовым людям той отдаленной эпохи.

5

Следующая проблема, которая настоятельно требует тщательных трудов для своего разрешения, — это отношение славяно-русских переводов

¹⁰² А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром. М., 1913.

¹⁰³ Н. Н. Дурново. Рецензия на книгу А. Д. Григорьева о «Повести об Акире», стр. 294—297.

¹⁰⁴ Н. Н. Дурново. Материалы и исследования по старинной литературе, ч. 1. К истории повести об Акире. М., 1915.

¹⁰⁵ В. М. Истрин. Рецензия: Новые исследования в области славяно-русской литературы. 1. А. Д. Григорьев. Повесть об Акире Премудром... — ЖМНП, 1914, июнь, стр. 333—369.

¹⁰⁶ См.: Р. Р. Орбели. Академик П. К. Коковцов и его рукописное наследство, — Очерки по истории русского востоковедения, т. II. Изд. АН СССР, М., 1956, стр. 359. Отзыв хранится в Архиве АН СССР (ф. 779, оп. 1, № 125).

¹⁰⁷ ТОДРА, т. XV. М.—Л., 1958, стр. 58.

¹⁰⁸ Carl Brockelmann. Syrische Grammatik, стр. 5.

¹⁰⁹ См.: А. С. Орлов. Переводные повести феодальной Руси и Московского государства XII—XVIII веков. Л., 1934, стр. 61.